
Е. Н. Пенская

КНИЖНАЯ ПОЛКА — ОТРАЖЕНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья поступила
в редакцию
в ноябре 2011 г.

Обсуждается идея создания списка «100 книг ВШЭ» как университетского читательского канона. Анализируется многолетний издательский проект Русской христианской гуманитарной академии «Русский путь».

Аннотация

Ключевые слова: *высшее образование, культурология, общие культурные образцы, круг чтения, издательские проекты.*

Сегодня такое понятие, как «личная библиотека», «домашняя библиотека», становится почти архаизмом. Это означает, что на наших глазах радикально изменилась культурная традиция, практика чтения. Нет, тут не подходят количественные измерители: больше, меньше... Читают. Продолжают читать. Правда, обращаются к книгам и текстам принципиально иначе, чем это было несколько десятилетий назад.

Но если о вкусах и предпочтениях не спорят, то о списках, о составах книжных полок спорят азартно. Дискуссии вокруг образовательных стандартов неизбежно сводятся к тому, какой алгоритм взять за основу формирования списка, что оставить в нем, а что непременно изъять. «Войны списков» — пожалуй, самое интересное и осязаемое в этих спорах. Наблюдая за ходом этих сражений, можно с очевидностью сделать вывод о том, как меняется пресловутый культурный код.

Для этой статьи было два импульса. Один — общий. Он связан с Львом Львовичем Любимовым. Ко многим свойствам и известным ролям ЛЛЛ следует добавить еще одно качество: Лев Львович — профессиональный читатель, его читательский стаж начинается еще в юности. Помните, он говорит: в двадцать лет прочитал десятитомник Ницше, в 1950-х годах запрещенный. А позднее, когда надо было, — двести книг по образованию. На иностранных языках. Многое важное он прочитал

от корки до корки не один раз. Русская религиозная философия — его пристрастие, интеллектуальная мера мер.

Второй импульс, скорее, частный, но он тоже имеет отношение к ЛЛЛ.

Предыстория такова. Примерно год назад И. Д. Фрумин, заместитель главного редактора нашего журнала, предложил проект «100 книг» с целью создать такую университетскую шкалу чтения, университетский читательский канон, общий и для преподавателей, и для студентов: «собрать список сильно рекомендуемой литературы, которую как минимум должен прочитать каждый выпускник, чтобы считать себя членом сообщества». Осенью 2011 г. Исак Давидович снова инициировал его обсуждение. Повод проясняет рабочая переписка, фрагменты которой мы приводим.

«Дорогие коллеги, 19 октября я проводил семинар своей студенческой лаборатории “Развитие университетов”. Случайно я спросил у своих молодых коллег, знают ли они, что такое дата 19 октября для российской культуры и образования. Только один из них (из 18), признавшись, что услышал сегодня по радио, сказал, что это — День Лицея. Вот тут я ощутил в полной мере то, что мы с Виталием Анатольевичем (Куренным. — *Е. П.*) обсуждали как разрушение общих культурных образцов. При этом самые лучшие университеты, например Йель или Колумбийский, практикуют такие обязательные курсы типа “Основы мудрости человечества” или просто “Великие книги”. Вряд ли у нас получится такое. Но почему бы не попробовать вернуться к идее проекта “100 книг”? Ведь ситуация потери общего культурного кода становится опасной для трансляции культуры».

На это письмо И. Д. Фрумина отвечал Л. Л. Любимов: «Дорогой И. Д.! Идея Ваша — архи. В прошлом году побеседовал с несколькими студентами филиалов и расспросил о том, какие книги они читали. Из списка, озвученного мною, — ни одной (!!!). Тогда я предложил этот список для нашего пермского лицея № 10 и вообще для школ университетских округов. А затем написал списки “книг для чтения” для юрфака и фак-та менеджмента в Н. Новгороде. Беда не только в том, что дети не читают, а в том, что ППС тоже не читает, т. е. у детей пастырей нет.

Ниже — мой список для школ: adventures к “истории” — для “началки”; остальное — с 5-го класса. При этом пьесы (греч. трагедии, римские комедии, Шекспира) надо читать вслух дома или в классе, распределив роли: мама, “сыгравшая” Медею, точно поумнеет. Искренне Ваш Л. Л.».

И дальше Лев Львович привел свой список.

**Список зарубежной литературы
(для совместного чтения детей и родителей)**

- Гомер: «Илиада», «Одиссея»
- Н. Кун: «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима»
- Греческие трагедии (Эсхил, Софокл, Еврипид)

- Римские комедии и сатира
- Вергилий: «Энеида», «Буколики»
- Эзоп: басни
- Рабле: «Гаргантюа и Пантагрюэль»
- Сервантес: «Дон Кихот»
- Данте Алигьери: «Божественная комедия»
- Шекспир: трагедии, комедии
- Мольер: «Мизантроп», «Скупой», «Тартюф», «Мещанин во дворянстве»
- Гете: «Фауст», «Страдания юного Вертера»
- Байрон: «Паломничество Чайльд Гарольда», восточные поэмы, драматические поэмы
- Лафонтен: басни
- Шиллер: «Коварство и любовь», «Разбойники», «Вильгельм Телль», «Дон Карлос», «Мария Стюарт», «Орлеанская дева»
- Шарль де Костер: «Легенда об Уленшпигеле»
- Мицкевич: «Дзяды», «Пан Тадеуш», «Конрад Валленрод», «Гражина»
- Сенкевич: «Крестonosцы»
- Станюкович: «Вокруг света на “Коршуне”»
- Диккенс: «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Дэвид Копперфильд», «Холодный дом»
- Гюго: «Отверженные»
- Г. Манн: «Юность и зрелость короля Генриха IV»
- Т. Манн: «Будденброки»
- Скотт: «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Пуритане», «Роб Рой», «Уэверли»
- Свифт: «Путешествия Гулливера»
- Купер: «Шпион», «Пионеры», «Последний из могикан», «Прерия», «Лоцман», «Следопыт», «Зверобой»
- Рид: «Всадник без головы», «Квартеронка», «Оцеола, вождь семинолов», «Белый вождь»
- Верн: «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров», «Двадцать тысяч лье под водой», «Властелин мира», «С Земли на Луну»
- Стивенсон: «Остров сокровищ», «Черная стрела», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»
- Дюма (отец): пять книг о мушкетерах, «Граф Монте-Кристо».

Обмен письмами вызвал новый виток обсуждения проекта «100 книг ВШЭ». Любопытно, что один из участников по поводу списка ЛЛЛ высказался так: «Этот перечень — “говорящий”. Он не хуже паспорта дает сведения о человеке, о его культурной прописке, о поколенческих пристрастиях и возможностях». Действительно, и список, и его фрагмент — книжная полка, состав которой может меняться, но ядро остается постоянным, — все это приметы умственной биографии, нашего интеллектуального устройства. Об одной «книжной полке», о способах ее формирования и пойдет речь ниже.

«Русский путь»: книжные дороги и бездорожье

«Русский путь» — это название книжной серии. Ее подзаголовок — Pro et contra.

Сначала о проекте и его «родителях», хотя очевидна странность такого зачина: почти 20-летняя родословная этой книжной затеи богата и принесла свои обильные плоды. Зачем возвращаться в столь давние времена? Напомним: цикл изданий был задуман в 1990-е годы в рамках исследований Русской христианской гуманитарной академии. «Русский путь» — это визитная карточка академии, самый известный ее проект, долгий и отчасти самостоятельный, лишь внешне отождествляемый с альма-матер благодаря солидной узнаваемости добротных томов в однотонных твердых обложках с золотым тиснением логотипа. Закономерно любопытство и желание прояснить, как связано все, что выходит под этой двойной, нет, даже тройной маркой — «РП», Pro et contra, РХГА, — с идеологией, образовательной политикой и стратегией академии.

Дата рождения — 1989-й. О «родителях» известно немного. РХГА прошла свой «русский путь»: сначала институт, до 1993 г. — Высшие гуманитарные курсы, потом, с 2004-го, — академия. Смена вывесок происходила в рамках общего процесса переименования школ в гимназии и лицеи, а институтов — в академии и университеты. Известны цифры, успешная динамика роста: начинали со 160, теперь 800 студентов. Ежегодный прием — 200 человек. Все как у людей: есть дневное, вечернее отделение. В РХГА три факультета: факультет философии, богословия и религиоведения, факультет психологии и факультет мировых языков и культур. Факультет философии, богословия и религиоведения вроде понятный и закономерный для христианского вуза, а вот филолого-культурологический факультет, в структуре которого есть английская, финская и востоковедческая (арабистика, китаистика, японистика) кафедры, отделение искусствоведения, так же как психологический факультет, по замыслу строителей вписывается в общую христианско-гуманитарную концепцию академии, и преподавание должно радикально «перезагрузить» современных прагматичных слушателей — заменить естественно-научный подход на духовно-культурологический. Словосочетание «духовная культурология» и его производные, видимо, относятся к тем программным опознавательным знакам, которыми отмечены разнообразные стороны работы РХГА — образовательные, научные, издательские. Витрина призвана заранее снять вопросы и вызвать уважение. Она не предполагает детализации. Крупные амбициозные проекты выше мелочей. Исследователи заняты изучением «феноменов, символизирующих духовную динамику в развитии нашей страны... за пятнадцать лет книжная серия выросла и представляет собой нечто подобное дереву, корень которого составляет сам замысел духовного осмысления культурно-исторических реалий». Это из «манифеста». Обращение к читателю. Не то чтобы духовный подход в светских научных делах вызывал отторжение — скорее вопрос: а как это происходит на деле?

И вот тут начинается «матовая» территория. «Мат» и в шахматном смысле, и в световом: какая-то гибельная непрозрачность. Замкнутость информационного цикла в РХГА и об РХГА очевидна — известно лишь то, что академия считает нужным сообщить о себе на сайте и в официальных интервью ректора Д. К. Бурлаки, возглавляющего многие проекты РХГА, в том числе и редколлегию «Русского пути». Что, кроме тихого восторга и доверия, могут вызвать вязкие сведения о высоком качестве образования, не уступающего элитным классическим университетам, по духовной составляющей превосходящего их программы, а по коммерческим критериям вполне достойно занимающего высокий средний уровень — 25–35 тысяч рублей за семестр для студентов дневного отделения, high middle ценовой сегмент [Интервью с ректором Русской христианской гуманитарной академии]. Отметим, что вуз считает себя светским, не относящимся к какой-либо одной конфессии. В нем учат всех подряд: агностиков и атеистов, протестантских пастырей и православных священников. Закономерна также и «матовая» стилистика публичных выступлений Д. К. Бурлаки: умеренно-наступательная, она слабо камуфлирует набором общеправославных идеологем коммерческие притязания. Размечая «линию фронта» в войне между православными и светскими стратегиями, а в конечном счете в споре за платежеспособную клиентуру, ректор петербургского христианского вуза формулирует прерогативу финансовой господдержки в сочетании с поиском местного коллективного Сороса, которого в крайнем случае может заменить объединенная гуманитарная структура, совокупность фондов — аналогов РГНФ и РФФИ, спонсирующих издательскую, научную и просветительскую деятельность православных образовательных учреждений [Бурлака. Способно ли православие выиграть битву за умы].

На поверку реальная идеология РХГА в основном (только) финансовая, а постоянный поиск новых источников — бесперебойный стимул, импульс активности и проявлений во внешней среде. Состав учредителей причудлив: Российская академия образования, Санкт-Петербургская духовная академия, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. Но последние года три РХГА мечтает о поддержке Московской патриархии, тщетно делая ставку на митрополита Иллариона (Алфеева), викария патриарха Московского и всея Руси, председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, постоянного члена Священного синода, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. Кирилла и Мефодия и т. д. и т. п. «Из ныне здравствующих богословов мне интересен епископ Илларион (Алфеев). Он, конечно, продолжает традиции русской религиозной мысли рубежа XIX–XX веков» — характерно, что в современной богословии Д. К. Бурлака называет только одно имя [Интервью с ректором Русской христианской гуманитарной академии].

«И если Бог даст нам грант...» [Интервью с ректором...]. Думается, эти слова могли бы стать эпиграфом к концепции РХГА, грантовой по сути. Она не холодная и не горячая. Такая, как есть. Неочевидная. Матовая. Непрозрачная и привычно необсуждаемая¹, поскольку не принято анализировать устройство современных православных учебных заведений, средних и высших, отсутствуют критерии анализа, не очерчены границы ниши, не проявлено ее пересечение с соседями-гуманитариями, не артикулируется их неразличимость, размытость контуров и содержательного наполнения, не сопоставляются сигналы, посылаемые рынку².

¹ Идентичность апологии, пусть и содержащей некоторую долю полемичности по отношению к научным трудам ректора РХГА, и безапелляционность «заказной» агрессии не вызывает сомнений. Сравните: «Таким образом, идеи русской религиозной философии относятся к развитию в русской истории только второго момента разума — момента религии откровения. Их специфику, однако, составляет то, что развитие идеи христианской религии в России до ее тотальности, до ее предельной глубины осуществляется в тот период, когда она уже вовлечена общим духом мировой истории в стадию развития определенности философской формы. Поэтому глубина христианского откровения разрабатывается на нашей отечественной почве с сильным «креном» в рефлексивную философскую сторону. Всемирное развитие третьего момента разума — философского — приводит к тому, что русская христианская идея становится в своем высшем пункте религиозно-философской. Именно так, на наш взгляд, систематика разумного должна проявляться в рассмотрении духа русской культуры. И, как мы уже отметили, она в общих чертах намечена прежде всего в практической деятельности РХГА, присутствует и всегда присутствовала в самом его пафосе, и мы уверены, что она будет в нем развиваться и крепнуть и дальше — как в сфере «воли», так и в сфере «теоретической идеи», потому что только единство этих двух моментов дает нам понятие «абсолютной идеи», а что дух создателей РХГА «заражен» стремлением к абсолютному, для нас несомненно» [Сумин, 2008]. Вот другая реплика в «споре за кошелек»: «Бурлака пишет: «Мне не встречалось аргументированного обоснования того, почему общее и профессиональное образование не может быть получено в православном учебном заведении, финансируемом, по крайней мере частично, из муниципального или федерального бюджета». В этом неявно и на первый взгляд даже наивном вопросе легко усматриваются шовинистические интересы. Ведь вопрос не ставится, например, так: почему бы государству не создать широкую сеть религиозных учебных заведений — православных, католических, протестантских, иудаистских, мусульманских, языческих и т. д. Думается, что абсурдность самой постановки такого вопроса очевидна. Общее образование должно быть общим для всех граждан, независимо от их религиозных настроений, а профессиональное образование — именно профессиональным, и религия здесь ни при чем. Вместе с тем, если церковь отдает себе отчет в том, что это за явление — «православное учебное заведение» (обучающее в том числе или прежде всего православию?), то она, вероятно, вправе создавать и, как видим, создает свои образовательные структуры. Но эти структуры, естественно, должны оставаться структурами именно церкви, и именно она должна нести ответственность перед народом, прежде всего за то качество образования, которое предоставляет. И если церковь желает конкурировать в вопросах качества альтернативных образовательных услуг с государственными образовательными учреждениями, то она сама и должна находить подобающие средства участия в такой конкуренции. А за народом всегда должно быть и оставаться естественное право выбора» [Титова. По поводу статьи Д.К. Бурлаки].

² За 20 с лишним постсоветских лет не появилось ни одного качественного исследования таких вузов, как Православный Свято-Тихоновский университет, Институт Иоанна Богослова и проч. Ни одна из сторон их многообразной

В полной мере это отсутствие рефлексии можно отнести, как ни странно, к «Русскому пути» — повторим: мощному издательскому проекту — долгожителю, шагнувшему далеко за академические рамки и на самом деле предназначенному для аудитории слабо и лишь внешне привязанной к альма-матер. 18 лет. 40 томов. Правда, очень разных, неровных. Тем не менее это масштабный и очень серьезный капитал. Бывали годы, когда выходило по несколько объемных, почти тысячестраничных книг с серьезными комментариями. Это означает, что Господь нужным и правильным людям посылает гранты, используемые по назначению. Может быть, участие высших сил препятствует обсуждению? Во всяком случае, для многих очевидно, что такая интеллектуальная продукция у нас не рецензируется. Книжная полка, на которой разместилась бы вся серия «Русского пути», — это целая библиотека — национальный символ. Устои. Они предполагают не критику, а благоговение.

Но все же, как выглядит эта книжная «русская дорога» в понимании тех, кто ее прокладывает сегодня?

В самом начале идеологи серии столкнулись с ухабинами, рытвинами, попали в сложные западни и отказались от интересных, нетривиальных решений, от мысли разрабатывать значимые политические и идеологические события, породившие свою густую мифологию. Мифологию трактовок в том числе.

Авторы проекта выбрали более простой, привычный и, по сути, тривиальный маршрут — вдоль именных вех. «Русский путь» открывался в 1993–1994 гг. знаковой фигурой — антологией «Николай Бердяев. Pro et contra. Личность и творчество Н.А. Бердяева в оценке отечественных мыслителей и исследователей». Эта первая книга задавала формат и структуру последующих: при всем разнообразии и пестроте обсуждения «монографическая фактура» обычно читателю представлялась в двух типах материалов — через мемуары, эпистолярию, документальные источники и критику, научные статьи. Предполагалось, что интеллектуальный конфликт, столкновение интерпретаций станет основой всей серии, и по этому принципу при всех возможных отклонениях выстроится каждый случай. Нетрудно представить, насколько значим в такой сложной конструкции научный комментарий и рамочный текст составителя. Вообще «авторское предложение» заказчику-издателю — ключевой момент. Но в этом процессе есть главный посредник — грантодатель, принимающий первое и основное решение. Получается, что РХГА — это финальная инстанция. Деньги плюс идея и ее исполнение. РХГА в этой ситуации выступает в роли продюсера многолетнего книжного сериала.

деятельности не изучена. Эта тема остается закрытой и всплывает в прессе лишь «по случаю», когда возникает общественная полемика по поводу выхода некачественных учебников или введения в образовательный процесс дисциплин, напрямую связанных с религией.

Итак, пилотная серия «Бердяев» попала на хорошо взрыхленную почву: к тому времени с конца 1980-х уже вышло в других издательствах несколько бердяевских книг, наглядно воплощавших черты советской книжной утопии, мечты о книжном рае [Бердяев, 1990, 1991, 1993 и др.]. 1990-е — время таких тучных, масштабных, чрезвычайно амбициозных проектов, обещающих интеллектуальное и культурное изобилие. Увесистая греза. «Русский путь» под маркой РХГИ-РХГА взял на себя и по сей день последовательно выполняет обязанности легитимного представителя такого интеллектуального парадиза, контуры которого сложились еще в самиздатском андеграунде 1950–1960-х, но особенно отчетливо проступили в 1970-х. Понятно, почему проект в целом и отдельные издания в частности почти ни разу за все эти годы не разбирались критически. Продукция райской жизни и деятельности не подлежит профессиональному рецензированию. О серии либо не упоминают, лишь цитируя, вставляя в сноски и списки отдельные выпуски, либо почтительно аннотируют, используя в псевдоразборах, дайджестах и интервью.

Вот, к примеру, как выглядит паточная юбилейная риторика презентации гоголевского тома в 2009 г.: «Произведения Гоголя всегда в настоящем. Это не умаляет значимости других классиков. Просто нужно понимать, что, например, Достоевский — в вечности, а Гоголь — в современности, считает С. А. Гончаров (кстати, составитель книги. — *Е. П.*). Значимость и масштабы творчества Гоголя получили и пространственное измерение, отразившись на объеме нынешнего издания. “Гоголь. Pro et contra” — книгу, которую, по меткому замечанию директора Фундаментальной библиотеки А. В. Воронцова, редкая студентка сможет поднять. Однако и это еще не все. В планах издательства РХГА выпустить второй том гоголевских Pro et contra в наступившем, хоть уже и не гоголевском, году» [Мельникова, 2010]. Но это ритуал. Отчетное мероприятие. Студенческая корреспонденция. А вот вроде бы совсем не ритуальный обзор профессионала, выполненный «из интереса». «По велению души» рецензент отбирает книги, и в этот список значимых новинок попадает одно из последних изданий серии РХГА — «Даниил Андреев. Pro et contra». Составление, вступительная статья, комментарии Г. Г. Садикова-Лансере. СПб.: РХГА, 2010. (Серия «Русский путь»): «Это — первый научно подготовленный свод публикаций об одном из самых ярких и странных персонажей русской культурной и духовной истории XX в., включающий в себя примерно столько же разделов, сколько было видимых миру сторон у этой мало с кем сопоставимой личности» [Балла, 2011]. Далее в статье перечислены разделы книги и авторы. Как о человеке в его человеческих связях рассказывает о Данииле Андрееве его вдова Алла Андреева. В разделе «Культурный фон» — многоаспектном до известной размытости, как всякий культурный фон, — говорится о смысловых и символических устремлениях времени, в которое пришлось жить Андрееву, о месте, которое

в этом времени занимал он сам, о культурно родственных ему фигурах. Отдельно рассматривается литературный контекст его поэзии и прозы. В разделе «Религиозный дух» церковные и светские авторы осмысливают нетривиальные отношения Андреева с традиционной религией, и в частности с каноническим православием... Куда интереснее позиции внеконфессиональных авторов, например Михаила Эпштейна, который корректно и уважительно рассматривает Даниила Андреева в контексте русского эсхатологизма и вообще предлагает исходить из доверия к его опыту. Очень любопытна статья Сергея Маркуса... и т. д.

На общем фоне изживания рецензионного жанра, его разрушения и замены анализа и разбора аннотацией со слабыми вкраплениями авторского комментария и впечатлений от просмотренного/прочитанного эти две страницы выглядят идеально. Но попадание или, наоборот, выпадение той или иной книги из поля зрения рецензента — вещь абсолютно случайная, непрогнозируемая, вкусовая. Такой импрессионизм, сложившаяся практика дневниковой необязательности упоминаний, своевольное комментирование так же необъяснимо, произвольно и непредсказуемо включает или пропускает подлинные события этого проекта.

В полной мере к ним можно отнести вышедший полтора десятилетия назад и до сих пор оставшийся эталонным, обозначившим планку качества серии двухтомник Константина Леонтьева. Но и вроде своевременное, почти синхронно совпавшее с выходом книг, развернутое новомировское упоминание о них, фундаментальное на первый взгляд, мало чем отличается от другого, более позднего обозрения в том же издании, о котором речь шла чуть выше. Сравнение текстов — «раннего», середины 1990-х, и «позднего», 2010-х — показательно: пространный и простодушный при всей видимой философско-культурологической усложненности медитация, актуальная в 1990-е, за какой-нибудь десяток лет свернулась и в нулевые превратилась в негустой клубок, чуть больше сотни строк-реплик, обзорных маркеров. «На трудах Леонтьева хорошо выращивать собственные идеи, лишённые его крайностей; при одном упоминании его имени уже становится интересно, интереснее, например, чем при упоминании Герцена... Есть в наследии Леонтьева какая-то вечная неисчерпанность; вот почему двухтомник о нем, выпущенный петербургским Русским христианским гуманитарным институтом... не просто освежающее и укрепляющее интеллектуальную мышцу чтение, но настоящая лаборатория отечественного мышления, в тигле которой образуются новые и ценные сплавы». Это Юрий Кублановский. После рецензионного зачина, располагающего к дальнейшему чтению своей спокойной абстрактной красотой, повествование продолжается о «своем», о кублановско-леонтьевском, в котором читатель теряет шкалу мер и не без труда ориентируется, уясняя, кто и что важнее, интереснее, и отдаёт в итоге предпочтение автору рецензии. О книге «всерьёз» вспоминается лишь в самом конце. О чем мы? Ах, да.

Ведь был повод для разговора. Приведен фрагмент предисловия А. А. Королькова, подтверждающий лирический настрой составителя, и в финале — практическое наблюдение: «... Безусловный просчет: ни розановский, ни леонтьевский двухтомники серии Pro et contra на обложке не нумерованы: это затрудняет общение с книгами, когда они обе сразу находятся в читательском обороте» [Кублановский, 1996].

Но двухтомник хорош по-настоящему. И объяснение его пользы находим не в рецензиях, а в «необязательных» дневниковых рабочих пометах, в конкретном контексте важных для конкретной среды. Вот как написано, к примеру, о книге о Константина Зайцева о Леонтьеве (переизданной в составе двухтомника «К. Н. Леонтьев. Pro et contra»): «...Единственному... вменяемому и вообще очень хорошему разбору леонтьевского православия, где и объясняется для самых дурных, т. е. для интеллигенции, что ничего там “леонтьевского” не было, а было обыкновеннейшее святоотеческое христианство... именно у этого автора, а не у его “отцов”, Хомякова и Достоевского, аскетика и догматика “розового христианства” застыли в виде систематизированного учения и практики. Интересно, насколько замечал это сам о. Константин... все это дает представление о реальном климате русской (особенно зарубежной) церковной истории в XX в... это другое устройство логического пространства, в котором многие линии уже не пересекаются, т. к. все расперто закачанной под завязку розоватой жидкостью... “любви” или как ее там...» [Bishop, 2002].

Любопытно, что юбилейные медитации, отмечавшие 180-летие К. Н. Леонтьева, уже почти не нуждаются в двухтомнике. Ритуал предполагает общность связей. Но в нашем случае ускользающий контекст леонтьеведов атомизирован и выстраивается согласно индивидуальным авторским вкусовым предпочтениям [Малер, 2011].

Если вернуться к книжной полке «Русского пути»... Традиционно в главной номинации — литературная серия. Она богаче и насыщенней остальных. Перед литературным массивом меркнет и кажется отчасти произвольной философская, теологическая, политическая, научная «линейка». Не спасают от зияющих лакун опубликованные и тоже практически не замеченные антологии о Павлове и Вернадском, книги, посвященные Петру I, Екатерине II, К. П. Победоносцеву. Авторы проекта открыто и немного просто-душно обещают в скором времени реструктуризацию всей затеи, в качестве аргумента, подтверждающего этот аванс, упоминая гарантированную поддержку РГНФ. Но сможет ли фонд компенсировать отсутствие научных школ, неразобранность и закрытость архивов, непрочитанность огромных пластов, буквально залежей исторических документов, источников, утрату или отсутствие культуры комментирования — все те болезни, что мы приняли, да и (что грешить зря на советское и постсоветское наследство!) не лечили, а усугубляли, все научные хвори, которыми давно заражена

гуманитарная мысль? Собственно, «Русский путь» в целом и каждый выпуск в отдельности — в той или иной степени история наших гуманитарных практик, медицинская карта нашего умственного здоровья и недугов. Сегодняшних. Современных. «Кухня», «изнаночная сторона» серии — хороший показатель.

Куда все же ведет серия «Русский путь»? Вектор его указать не просто. Но истоки просматриваются. Чем больше книжный прирост серии, тем заметней дрейф антологий, их срастание с соседями по жанру — хрестоматиями, книгами, не включенными в контекст и свободными от каких-либо умственных обязательств, любой прагматики, кроме учебной. «Русский путь» — это ретропроект. При всей академической серьезности он незаметно открывает что-то забытое и детское (недаром совсем неуместно и внезапно, в самую неподходящую минуту при внимательном чтении обсуждаемого последнего тома вдруг всплыл Аркадий Гайдар, как наваждение детского сна), возвращает несбывшуюся позднесоветскую мечту 1970-х. «Русский путь» — это осколок вроде бы старого социалистического универсума, не предполагавшего какие-либо контексты, прагматику. Цветные тома серии — это метеориты, догнавшие нас и свалившиеся оттуда, из той галактики как напоминание о советском космосе. Какими путями проползают в нулевые советские книжные утопии, какие спрятанные механизмы их не только реставрируют, но и питают финансово, где гнездятся потенциальные доноры? За этими процессами следует пристально наблюдать.

1. Балла О. Книжная полка Ольги Балла // Новый мир. 2011. № 2.
2. Бердяев Н. А. Евразийцы. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
5. Бурлака Д. Способно ли православие выиграть битву за умы на фронте российского образования? / Санкт-Петербургское отделение Российского гуманистического общества <http://humanism.su/ru/articles.phtml?num=000134>
6. Интервью с ректором Русской христианской гуманитарной академии (РХГА). 2009. 23 декабря <http://rhga-ru.livejournal.com/1222.html>
7. Кублановский Ю. Неотшлифованный самородок. К. Н. Леонтьев. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Pro et contra. Издательство Русского христианского гуманитарного института. СПб., 1995. Кн. 1. 1891–1917 гг. Кн. 2. После 1917 г. // Новый мир. 1996. № 9.
8. Малер А. Прозрения и затмения Леонтьева // Русский журнал. 2011. 25 февраля <http://www.russ.ru/pole/Prozreniya-i-zatmeniya-Leont-eva>

Литература

9. Мельникова Д. Гоголь, которого редкая студентка сможет поднять // СПбУ. Книжная полка. № 1 (3808) 2010. 27 января <http://journal.spbu.ru/wp/?p=437>
10. Сумин О. Отзыв на автореферат дис. докт. философ. наук Д. К. Бурлаки на тему «Метафизика культуры. Опыт систематизации идей русских религиозных мыслителей». 2008. 12 февраля http://www.sumin.copula.ru/007_Otzyvy/01_Na_Burlaku/Index.htm
11. Титова Е. По поводу статьи Д. К. Бурлаки «Способно ли православию выиграть битву за умы?» <http://humanism.su/ru/articles.phtml?num=000134>
12. Bishop Gregory (hgr) (В. М. Лурье) Чья бы корова. 2002. 29 июня <http://hgr.livejournal.com/103783.html>